СЕРІЯ СБОРНИКОВЪ
ВЕЛИКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВОЙНА.
Подъ редакціей Б. И. Имшенецкаго.

ВЫПУСКЪ ДЕВЯТЫЙ.

ВОЙНА И ЖЕНЩИНА.

Цѣна 20 коп.

Вышли въ свѣтъ новыя книги:

„Пѣсни Волги“ Д. Н. Садовниковъ.

Цѣна 2 руб. 25 коп.

„Раздумье“ А. А. Зеленецкій.

Сборникъ разсказовъ и стихотвореній цѣна 75 коп.

„Сѣверный вопросъ послѣ восточнаго“.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

„Въ снѣгахъ“ В. С. Терновскій.

Цѣна 40 коп.

„1812 годъ“.

Цѣна 20 коп.

„Лѣсныя пѣсни“.

Цѣна 50 коп.

Продается въ редакціи „Сѣвернаго Журнала“: Крестовск. Островъ, Константиновскій пр., 3а.

266-3-104
17748
БТ78
Б734

СЕРІЯ СБОРНИКОВЪ

ВЕЛИКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВОЙНА.

Подъ редакціей **Б. И. Имшенецкаго.**

ВЫПУСКЪ ДЕВЯТЫЙ.

ВОЙНА и ЖЕНЩИНА.

БИБЛ. С.С.С.Р. ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА ВОЕН.СЕКТ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія И. В. Леонтьева. Басковъ переулокъ, д. № 4.
1914.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція сборниковъ «Великая Всемірная Война», пригласивъ къ сотрудничеству видныхъ литераторовъ-историковъ и спеціалистовъ военнаго дѣла, поставила себѣ задачею безпристрастно отражать событія и особыя характерныя явленія Всемірной войны, въ видѣ строго провѣренныхъ очерковъ. Каждый сборникъ будетъ представлять самостоятельное, вполнѣ законченное произведеніе, или отражающее отдѣльныя характерныя явленія войны, или же содержащее описаніе бытовой, исторической и экономической жизни воюющихъ государствъ; въ то же время серіи сборниковъ, въ систематической послѣдовательности, дадутъ читателю полную картину войны, ея ужасовъ и жизни отдѣльныхъ націй, вовлеченныхъ въ войну.

Разсчитанные на читателя изъ самыхъ широкихъ слоевъ общества, а также и на учащуюся молодежь, очерки будутъ даваться въ популярномъ — общедоступномъ изложеніи, иллюстрированные отдѣльными картинами эпизодовъ войны въ художественной формѣ, а также фотографическими снимками, съ изображеніемъ отдѣльныхъ событій военныхъ дѣйствій, портретовъ видныхъ дѣятелей войны, героевъ, видовъ, достопримѣчательностей и картъ, съ обозначеніемъ на нихъ движенія войскъ и сраженій.

С.С.С.Р. ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА
В-39-28431

Письма женщинъ о войнѣ.

Откликъ женщины на великое міровое событіе—войну—многообразенъ, какъ многообразна и сложна жизнь современной женщины—матери и гражданки.

Обычно женщина гражданка рисуется намъ какъ носительница идеаловъ правды и справедливости, какъ поборница мира и общечеловѣческой любви. Если война представляетъ вообще тяжелое испытаніе для страны, то для женщины она является испытаніемъ вдвойнѣ, потому что на нее главнымъ образомъ обрушивается тяжесть неисчислимыхъ утратъ и страданій. Ни въ комъ идея братства народовъ на находила такихъ горячихъ сторонниковъ, какъ въ средѣ женщинъ. И въ рядахъ женщинъ-же имѣла самыхъ искреннихъ и вѣрныхъ союзниковъ извѣстная организація—Лига мира.

Поэтому, объявленіе войны Германіей, этотъ актъ, который грозилъ насильственно вовлечь весь міръ въ страшную кровавую распрю, не могло не вызвать въ женщинахъ самаго бурнаго и непримиримаго протеста.

«Такъ необычайно великъ моментъ, такъ непривычно все, что переживаешь, что, кажется, словъ сразу не найдешь,—высказывалась извѣстная писательница Т. Щепкина-Куперникъ.—Одно желаніе,—хоть какъ-нибудь, хоть чѣмъ-нибудь принести пользу, одна боязнь не сдѣлать, не дать всего, что можешь; одна надежда, что эта война, этотъ гнѣвъ Божій дастъ то обновленіе, о которомъ мечтаетъ міръ, покажетъ и русскому народу, чего онъ хочетъ и что можетъ.

Если воюетъ весь міръ, охвачена пожаромъ вся Европа, то мы, оставшіеся, должны избыткомъ любви хоть какънибудь заполнить всѣ образовавшіяся пропасти, всѣ потери. И будемъ надѣяться, что «міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови», и будетъ снова жизнь, можетъ быть обновленная и просвѣтленная».

Такими словами женщина оцѣнивала значеніе начавшагося мірового пожара. Сквозь дымку тяжелаго настоящаго она провидѣла свѣтлое будущее, и увѣренность въ его близости родила въ душѣ желаніе внести и свою лепту въ общую работу.

Однозвучное призваніе раздавалось и въ другихъ мѣстахъ. На Западѣ Европы, во Франціи, извѣстная Жюльетта Аданъ, авторъ нашумѣвшей въ 70-хъ г.г. книги «Осада Парижа», писала, имѣя въ виду своихъ польскихъ друзей:

«Благодареніе Богу... Нашъ горизонтъ проясняется... Наконецъ, наступитъ желанное время, кагда псевдо-интеллигенты и интеллектуальные мошенники не будутъ проповѣдывать, что нѣтъ музыкальныхъ геніевъ, кромѣ Вагнера, что нѣтъ культуры, кромѣ германской, и что германскій императоръ является единственнымъ въ Европѣ государственнымъ дѣятелемъ. Вскорѣ мы увидимъ возсоединенное Царство Польское, возвращенное полякамъ, какъ единоутробному въ своей цѣлости народу».

Ограничимся этими двумя признаніями, дающими общую принципіальную оцѣнку событій. Вслѣдъ за тѣмъ передъ женщинами тотчасъ же по объявленіи войны долженъ былъ встать практическій жизненный вопросъ: что дѣлать... какъ осуществить свой гражданскій долгъ и принести посильную пользу?

Выясненію этого вопроса былъ посвященъ рядъ статей въ газетѣ «Рѣчь» писательницы А. Тырковой.

«Спящіе проснулись...

«Само общество, сами народы, населяющіе Россію, не знали себя до тѣхъ поръ, пока не грянулъ громъ. Въ тотъ часъ, когда Германія объявила намъ войну, когда отъ сердца къ сердцу по всей Россіи пробѣжало одно созна-

ніе—отечество въ опасности—мы всѣ пережили страшный внутренній толчекъ. Вѣроятно нѣчто подобное переживаютъ люди, просыпаясь отъ летаргическаго сна.

Теперь на нашихъ глазахъ совершается великое чудо. Могучее дыханіе иныхъ благородныхъ чувствъ, иныхъ благородныхъ печалей проникло въ душу поколѣнія, идущаго намъ на смѣну.

Забыто все нездоровое, ненужное, нежизненное, а подчасъ и темное...

Одна у всѣхъ забота, одинъ страхъ,—найдется ли дѣло. А вдругъ я буду не нуженъ,—вдругъ не возьмутъ...

Работа найдется для каждаго».

Это—черная, кропотливая, требующая колоссальнаго напряженія силъ, работа. Она такъ необходима во время войны. Благодаря ей въ армію вливается незримая, неподдающаяся учету сила, на которой зиждется успѣхъ,—которою создается такъ называемый «духъ войскъ». Каждый воинъ, находящійся въ арміи, радостнѣе и спокойнѣе идетъ осуществлять свой долгъ, если знаетъ, что о немъ и его семьѣ думаетъ и заботится вся страна, что между войскомъ и народомъ перекинуты тѣсныя, непрерывающіяся нити братства.

На женщину выпала трудная и великая задача: поддержать и ободрить здоровыхъ, облегчить страданія раненыхъ,— тамъ, на поляхъ сраженій, подъ громомъ и огнемъ орудій, и здѣсь—въ безчисленныхъ госпиталяхъ, раскинутыхъ повсюду, начиная отъ столицъ до глухихъ, заброшенныхъ мѣстечекъ. Придти на помощь оставшимся безъ средствъ семьямъ, призрѣть ихъ безпріютныхъ дѣтей... Только женщины, привыкшія къ будничной, кропотливой, упорной работѣ, могли осуществить это съ тѣми терпѣніемъ и любовью, на какія онѣ способны. И отправляющіеся на войну воины знали это. Воодушевленіемъ, мольбою и радостной надеждой горѣлъ ихъ взоръ, когда они, покидая родныя мѣста, прощались, можетъ быть, въ послѣдній разъ, съ пришедшими ихъ проводить и говорили:

— Жена у меня. Больная... Ужъ окажите Божескую милость.

И успокоенные садились, въ рубахахъ защитнаго цвѣта, съ просвѣтленными, ясными лицами и съ мыслью:

— Богъ дастъ, все устроится... Свѣтъ не безъ добрыхъ людей... Выростятъ и воспитаютъ сиротъ, коли доведется умереть...

Съ сознаніемъ трудности и отвѣтственности взятаго на себя дѣла женщина приступила—точно на подвигъ—къ работѣ. И она не разбросалась, не растерялась въ мелкихъ будничныхъ хлопотахъ, не утратила изъ-за частностей цѣлаго,—общихъ великихъ задачъ, которыя поставило начавшееся съ войной народное движеніе.

Война дастъ странѣ «обновленіе»... Могучій расцвѣтъ жизни въ странѣ послѣ войны вознаградитъ за лишенія... Эта мысль тлѣла искрой въ груди всѣхъ и во имя лучшаго будущаго мирила съ утратами и жертвами настоящаго.

Когда послѣдовало воспрещеніе продажи крѣпкихъ напитковъ, то среди прочихъ голосовъ, привѣтствующихъ эту мѣру, громче всѣхъ и горячѣе прозвучалъ голосъ женщины:

«На комъ всего сильнѣе и всего тяжелѣе отражается пьянство?.. Чьи соки всего болѣе высасываетъ зеленый змій?.. Чью жизнь калѣчитъ всего болѣе это чудовище?.. Чья душа страдаетъ всего болѣе за больныхъ и ненормальныхъ дѣтей потомковъ пьяницъ?.. По чьимъ нервамъ и слуху сильнѣе и болѣзненнѣй всего бьетъ плачъ голодныхъ, холодныхъ и искалѣченныхъ дѣтей?.. По чьимъ спинамъ чаще всего гуляетъ кулакъ одичалаго безумца пьяницы?.. Чья душа и сердце разрываются отъ боли и страха въ осенніе и зимніе вечера и ночи въ ожиданіи загулявшагося мужа, отца, брата, и даже сына?..»

Такъ писала въ «Ярославскомъ Голосѣ» Е. Добротина.

«Многострадальная, безгласная и безотвѣтная труженица русская женщина... Не твоя ли это нечеловѣческая доля нести на себѣ всѣ ужасы и всѣ бѣды отъ пьянства? Не ты-ли, цѣпенѣя отъ страха за свою судьбу, судьбу своихъ дѣтей, проклинаешь свою долю?..

Русская женщина, подумай, вѣдь настоящій моментъ—моментъ роковой для тебя и для потомства... Упустишь

его теперь—поймать его потомъ будетъ трудно... Ты вѣдь мать своихъ дѣтей... Кто же, кромѣ тебя, можетъ и долженъ броситься самоотверженно, броситься на защиту семейнаго благополучія, лежащаго въ основѣ благополучія государственнаго?.. Вѣдь даже крошечная птичка геройски бросается на защиту своихъ дѣтей, на врага во сто кратъ сильнѣйшаго...

Женщины, соединяйтесь всѣ въ общемъ несмолкаемомъ гулѣ заявленій объ отрезвленіи Россіи. Крестьянки и мѣщанки, не оставайтесь въ сторонѣ. Вѣдь ваша безправная и бездольная жизнь проходитъ всѣхъ мучительнѣе, въ пьяномъ угарѣ мужей. Вѣдь вашими дочерьми заполнены пріюты разврата; изъ вашихъ мужей и сыновей составляются полчища босяковъ...»

Лучше «отказавшись отъ расходовъ на лишнее сверхъ необходимаго» вносить налоги по 10, 15 р. и болѣе въ годъ, чѣмъ «переживать разореніе семьи и ея нравственное и физическое калѣченье».

Долюшка горькая, долюшка женская,
Врядъ-ли труднѣе сыскать.

Н. Некрасовъ.

Самые тяжелые удары войны обрушиваются прежде всего на женщинъ и ихъ дѣтей.

Съ каждой новой вспышкой боя, съ каждой потерей для нихъ открываются новые неизсякаемые родники страданій. У невѣсты погибаетъ женихъ, у дѣтей — отецъ, у матери — сынъ. Нѣтъ семьи, которая не отправила-бы на войну близкаго ей человѣка.

И въ одиночествѣ, замкнувъ въ себѣ страданія, стыдливо скрывая ихъ отъ постороннихъ взоровъ, женщины несутъ терпѣливо свой жребій... Особенно матери.

«Мнѣ жаль не самого героя»... говорилъ въ своемъ стихотвореніи Некрасовъ... «Мнѣ жаль не друга, не жены...» Но...

«... Слезы бѣдныхъ матерей....
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей»...

Слезы и страданія за погибшихъ близкихъ по крайней мѣрѣ даютъ внутреннее удовлетвореніе отъ сознанія, что сраженные — мужъ, братъ, отецъ — пали, исполняя долгъ передъ отечествомъ. Есть еще иныя страданія, отъ которыхъ въ душѣ не остается ничего иного, кромѣ леденящаго ужаса. Это страданія женщинъ отъ звѣрствъ, чинимыхъ непріятелемъ.

Мы не будемъ останавливаться подробно на описаніи всего того, что происходило при возвращеніи русскихъ изъ за границы и что извѣстно изъ газетъ. Напомнимъ только въ общемъ эти ужасные факты.

Пьяные лейтенанты выбрасывали изъ вагоновъ русскихъ интеллигентныхъ дѣвушекъ. Срывали съ нихъ одежды и подъ грубый, циничный хохотъ гнали въ казармы. Подъ предлогомъ обыска раздѣвали до нага женщинъ, плевали имъ въ лица, хлестали тростями, заставляли выслушивать отвратительнѣйшую брань. Матерей отрывали отъ ихъ дѣтей... Дѣти, брошенныя на произволъ судьбы на глазахъ матерей, были растаптываемы передъ вагонами... Умирающимъ отъ жажды малюткамъ показывали на перронахъ воду и молоко и когда они протягивали безсильныя трепетавшія ручки, нѣмцы съ хохотомъ били ихъ и ихъ матерей палками. Тѣхъ, кто протестовалъ, разстрѣливали. Наполняли прусскія тюрьмы женщинами и дѣтьми, разлучая матерей отъ дѣтей.

— Оставьте со мной въ камерѣ хоть дѣвочку... молила г-жа К. жандармовъ.

Слѣдовалъ отвѣтъ:

— Ничего съ вашимъ отродьемъ не случится...

И въ теченіе трехъ сутокъ дѣвочку, неудержимо плакавшую, держали въ тюремномъ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ...

Нѣсколько матерей отъ пережитаго сошли съ ума... А наставница виленской женской Маріинской гимназіи

В. Полякова, лѣчившаяся въ Киссингенѣ, не въ силахъ была перенести испытываемыхъ оскорбленій и повѣсилась въ номерѣ гостинницы.

Одинъ прусскій капитанъ, отнимая у женщинъ драгоцѣнности, съ кровью вырвалъ серьги у N. изъ ушей.

Разсказовъ объ издѣвательствахъ безчисленное множество. Озвѣрѣвшіе нѣмцы не считались ни съ возрастомъ, ни съ положеніемъ...

Всѣмъ извѣстна исторія съ дочерью профессора Клоссовскаго, Н. А. Туганъ-Барановской.

Война застала Н. А. въ Іенѣ, гдѣ больная лечилась отъ ожога, полученнаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Россіи.

Съ только что снятыми послѣ операціи швами она должна была тронуться на родину.

Въ Бреславлѣ ее и ея спутниковъ арестовали и отвезли въ исправительную тюрьму. Солдатъ каска № 11 потащилъ ее, швырнулъ на полъ и ногами началъ катить, направляя къ лѣстницѣ. А на улицѣ въ давкѣ съ нея были сорваны бинты... *).

Больная не могла лежать на тюремной кровати отъ боли и приходилось ее то и дѣло перекладывать съ постели на полъ и обратно.

Черезъ нѣсколько дней она съ неимовѣрными мученіями добралась до Россіи. Но было уже поздно. Слѣдствіемъ обнаженія ранъ и испытанныхъ лишеній явилось зараженіе крови, отъ котораго и послѣдовала смерть...

Въ день погребенія немногіе знали, что отпѣваютъ не только одну изъ жертвъ войны, но и талантливаго художника-беллетриста. Ея перу пренадлежитъ интересный художественно написанный очеркъ «Кома», подписанный скромными иниціалами Н. Т. Б. (помѣщ. въ «Рус. Мысли»).

Еще больше жертвъ, больше ужасовъ было въ пограничныхъ раіонахъ, занятыхъ непріятелемъ. По сообщенію корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей», поэта Валерія Брю-

*) «Ежемѣсячный журналъ». Авг.—Сент. 1914 г. «Памяти Нат. Алекс. Туганъ-Барановской. Бориса Лазаревскаго».

сова, такъ называемая «женская повинность» была введена у австрійцевъ чуть ли не въ систему. Офицеры прямо приказывали привести въ такую-то часть войска столько-то женщинъ... И подъ угрозой разстрѣла силою принуждали исполнять такія приказанія...

Попраніе всѣхъ законовъ и завѣтовъ человѣколюбія нѣмцами и австрійцами въ настоящей войнѣ представляетъ обычное явленіе... Но въ отношеніи женщинъ и дѣтей оно доходитъ до какого-то сверхъестественнаго глумленія... Почему такъ? Можетъ быть потому, что здѣсь грубая варварская сила встрѣчается съ отсутствіемъ сопротивленія, съ беззащитными и слабыми существами и опьяняется въ крови отъ собственнаго успѣха?.. Можетъ быть, вслѣдствіе этого жестокость, незнающая удержу, рождаетъ нѣчто напоминающее сладострастіе изувѣрства... Обманувшіеся въ своихъ хищническихъ замыслахъ, враги спѣшатъ мстить и знаютъ, что ни одна жестокость не заставитъ содрогнуться въ такой степени, какъ жестокость, совершенная надъ беззащитными женщинами и дѣтьми.

Женщины за работой для нуждъ воиновъ и ихъ семействъ.

Съ первыхъ же дней по объявленіи войны цѣлый рядъ культурныхъ обществъ, созданныхъ и воодушевленныхъ женщинами, приступилъ къ кипучей работѣ.

Въ свое время по окончаніи войны станутъ подробно извѣстны имена всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыя самоотверженно выполнили на необъятномъ пространствѣ Россіи всю сложную и трудную работу.

Первой очередной задачей было призрѣніе семействъ воиновъ и организація врачебной помощи на театрѣ военныхъ дѣйствій и въ госпиталяхъ.

Немедленно былъ открытъ рядъ курсовъ для сестеръ милосердія, при чемъ число желающихъ поступить на нихъ

было такъ велико, что многимъ пришлось отказывать въ зачисленіи на курсы.

Для помощи семьямъ запасныхъ мѣстныя организаціи должны были произвести тщательныя обслѣдованія, чтобъ выяснить степени нужды. Это дѣло взяли на себя главнымъ образомъ женщины и молодежь.

Въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ была раскинута помощь. Для женщинъ-роженицъ были устроены особые безплатные пріюты. Для малоимущихъ. — столовыя и безплатныя квартиры. Бюро для пріисканія труда... Ясли для дѣтей, оставшихся безъ призора. Мастерскія для дѣтей улицы и читальни.

Марія Адельгейда,
Великая герцогиня Люксембургская, заключенная нѣмцами, послѣ занятія Люксембурга, въ Нюренбергскій замокъ.

Въ распредѣленіи помощи необходимо было дѣйствовать съ крайнимъ вниманіемъ, чтобы внести всюду согласованность, соблюсти справедливость и не вызвать жалобъ, вродѣ слѣдующей:

— Вотъ я получила столько-то, а моя сосѣдка больше. Чѣмъ же я такая несчастная?..

При отсутствіи объединяющаго центра, при недостаточномъ навыкѣ у насъ въ общественной дѣятельности всякіе подобные промахи были бы вполнѣ возможны.

Съ развитіемъ военныхъ операцій усложнились и задачи благотворительной работы... Потребовалось бѣлье для арміи, перевязочные матеріалы, средства для оказанія помощи населенію, пострадавшему отъ вторженія непріятеля.

Надо было призрѣть прибывающихъ раненыхъ...

И вотъ раздался кличъ:

— Пріютите раненыхъ...

«У кого есть гостинныя,—обращалась къ москвичамъ писательница А. Крандіевская,—необходимо—какъ можно скорѣе—превратить ихъ на время въ спальни, не звать ненужныхъ гостей и взять гостей нужныхъ, и тѣмъ самымъ сдѣлать два дѣла, двѣ пользы: и себѣ, и для своей совѣсти, и другимъ»...

Превратить дачи, дворянскія усадьбы, «Вишневые сады» въ лазареты и санаторіи.

Шире и полнѣй потекла общественная работа.

Сборы бѣлья, устройство больницъ, организація мастерскихъ для приготовленія марли, кружечные сборы. Какимъ все это кажется мелкимъ, будничнымъ и прозаичнымъ. Но какъ много здѣсь настоящей красоты и поэзіи, если въ эту утомительную однообразную работу вкладывается вдохновеніе, энтузіазмъ, любовь къ родинѣ...

Вотъ сцена изъ жизни...

На сборный пунктъ являются работницы... Сконфуженно отказываются отъ квитанцій и оставляютъ можетъ быть послѣднее, что имѣютъ, но дорогое именно тѣмъ, что оно послѣднее.

Входитъ дѣвочка со старушкой. И проситъ принять бѣлье отъ бабушки со внучкой. Разбираютъ бѣлье. Къ одной изъ рубашекъ пришитъ крестикъ, и дѣвочка уходитъ съ сіяющимъ лицомъ...

Какъ много во всемъ этомъ любви, заботливости, нѣжности...

Вотъ другая картина — въ бѣлошвейной...

«Уже поздно... За окнами движется безлунная ночь. Усталость сковываетъ пальцы...

Но дѣвушки не замѣчаютъ ни холода, ни усталости...

Онѣ работаютъ для раненыхъ.

Стучатъ машинки, звенятъ ножницы и вздымаются бѣлыя волны холста...

Проворно бѣгаютъ дѣвичьи пальцы...

Одна дѣвушка ужъ кончила рубашку... Надо новую

брать шить,—но не отдаетъ сшитой, хочетъ еще что-то съ ней сдѣлать...

Красную нитку достала, вышиваетъ буквы скорымъ швомъ.

Низко наклонилась надъ шитьемъ,—и хочется ей, чтобъ никто не видѣлъ, никто не зналъ, какое благословеніе пошлетъ она своему раненому, которому достанется ея рубашка...

Сжимается сердце ея отъ жалости и страха.

Ближе родного ей тотъ, для кого она шьетъ рубашку.

Никогда она его не узнаетъ, никогда не увидитъ...

И только ленъ, чистый ленъ можетъ донести ея любовь»*).

А вотъ еще картина.

Москва отозвалась на призывы о помощи.

У Ильинскихъ воротъ есть домъ Сѣвернаго Страхового Общества...

За окнами и внутри его кипитъ муравейникъ людей.

Трудовая будничная суета...**)

Что-то бѣлое сматываютъ лентами и разматываютъ, рѣжутъ ножницами, тянутъ, накатываютъ на катушки, укладываютъ въ ящики.

И очень ужъ быстро, съ лихорадочной поспѣшностью мелькаютъ сотни рукъ и бѣгаютъ взадъ и впередъ женщины, дѣти, студенты, барышни, среди груды бѣлыхъ обрывковъ, среди поваленныхъ ящиковъ, рогожъ и горъ какого-то полотна...

Это приготовляютъ бинты изъ марли для перевязокъ...

Въ маленькомъ бѣломъ кусочкѣ—спасеніе жизни для раненаго... Если его нѣтъ, — то раненые ползутъ, поливая драгоцѣнной священной кровью поля, падаютъ безъ сознанія въ кустахъ, слабѣютъ отъ кровотеченія и ручьями или капля за каплей теряютъ кровь, пока не доберутся до пункта, гдѣ еще имѣются кусочки спасительной марли...

Какъ же можетъ не вдохновить такая работа, когда въ ней спасеніе жизни, сотенъ и тысячъ жизней?..

---

*) «Дѣвушка» Сергѣя Городецкаго.
**) «Рус. Слово». И. Жилкинъ.

Работы ведутся добровольчески...

Крупныя фабрики Германіи приготовляютъ 10 тысячъ бинтовъ въ день...

Здѣсь же горячее желаніе работающихъ творитъ прямо чудеса. Мастерская у Ильинскихъ воротъ даетъ болѣе 10 тыс. бинтовъ въ день...

«Пчелки... Маленькія божьи работницы-пчелки», какъ назвалъ ихъ гласный городской думы С. В. Пучковъ.

Свѣтлый образъ женщины. Женщины на посту своихъ мужей. Женщина-сестра милосердія. Женщина-мать.

Въ трудовой жизни, въ борьбѣ за кусокъ хлѣба для себя и для дѣтей, въ думахъ о сражающемся мужѣ, теперь можетъ быть убитомъ — проходятъ дни, недѣли. И много усилій воли, много душевнаго геройства нужно, чтобъ сохранить въ сердцѣ невозмутимую любовь.

Корреспондентъ «Рѣчи» Сувойкинъ приводитъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ письмо жены запаснаго.

«Міръ помогъ съ поля убрать хлѣбъ и молотить обѣщали всѣмъ міромъ... Не пропадемъ. Аленка здорова, ходитъ въ церковь и молится за папу. Ежели гдѣ увидишь церковь, такъ помолись... И на полѣ молись утромъ и вечеромъ и послѣ обѣда. Продала куръ, послала тебѣ два рубли... Какъ зайдешь въ церковь, дай на просфору за свое здоровье, чтобы Господь Богъ и Матерь Пречистая тебя хранили. А остальныя на булочки храни... Въ праздникъ себѣ купишь...»

Здѣсь трогательно все: и Аленка и «два рубли» и булочки. Надо знать деревенскую жизнь, чтобъ оцѣнить, сколько любви и самоотверженія въ этихъ немногихъ словахъ: послала тебѣ два рубли...

Образъ женщины, жены запаснаго, нарисовалъ поэтъ Федоръ Соллогубъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Запасному жена:

Знаю,—будетъ много горя,—
Бабьихъ слезъ прольется море,
Но о насъ ты не жалѣй,—
Бабы русскія не слабы...
Безъ мужей подымутъ бабы
Кое-какъ своихъ дѣтей...
Обойдемся понемногу...
Люди добрые помогутъ...
Много добрыхъ есть людей...

И дѣйствительно, — въ трудное время войны, когда поднимаются цѣны на предметы насущной необходимости и жизнь становится дороже, женщины напрягаютъ силы, чтобъ замѣнить семьѣ ушедшихъ на войну кормильцевъ. Всюду, гдѣ это доступно, онѣ занимаютъ оставленныя мужьями мѣста, или ищутъ новыхъ возможностей заработка. Кадры женщинъ, получившихъ интеллигентное воспитаніе, переходятъ безъ стѣсненія къ черному труду,— только бы не сидѣть безъ дѣла и не обременять благотворительныхъ обществъ. Онѣ поступаютъ въ продавщицы, разносчицы газетъ, въ мастерскія. Въ Москвѣ женщины заняли мѣста своихъ мужей на трамваяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ.

Онѣ быстро освоились съ положеніемъ, умѣло справляются съ обязанностями, умѣло дѣлаютъ отмѣтки въ записныхъ книжкахъ.

Вотъ женщина-стрѣлочникъ. Она въ шинели изъ синяго сукна съ серебряными пуговицами, — на плечахъ погоны, на воротникѣ—зеленыя петлицы.

Когда былъ взятъ ея мужъ, она осталась съ троими

дѣтьми, изъ которыхъ младшему всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Предлагали ей разныя мѣста, но она отказалась отъ нихъ, потому что работа тамъ отняла-бы у нея много времени,—а ей нужно присматривать за дѣтьми.

На стрѣлкѣ же она стоитъ всего шесть часовъ въ день, и сутки въ недѣлю совершенно свободна.

Начальство отзывается о ней великолѣпно...

Наряду съ женщинами труда вступаютъ на подвигъ женщины милосердія...

Болѣя страданіями своей родины и горя любовью къ ней, онѣ не остаются безучастными зрителями развертывающихся событій. Душа ихъ ищетъ святыхъ жертвъ...

Въ такихъ случаяхъ всегда вспоминается прекрасный образъ дѣвушки, зарисованный Тургеневымъ въ стихотвореніи «У Порога»...

Что толкаетъ этихъ женщинъ на подвигъ?..

Однѣхъ—избытокъ силъ и душевной энергіи... Юныя и чистыя стремленія къ идеалу... Любовь къ родинѣ и состраданіе къ сражающимся братьямъ... Нерѣдко личное горе,—хотя оно глохнетъ и теряется передъ страданіями другихъ...

— Я вдова офицера, — разсказывала о себѣ сестра милосердія. — Мой мужъ погибъ и оставилъ мнѣ сына... Ему теперь исполнилось-бы двѣнадцать лѣтъ. Но его тоже не стало этой весною, онъ въ недѣлю сгорѣлъ отъ дифтерита... Сердце было слабое, не выдержало... Вотъ я и осталась совсѣмъ, совсѣмъ одна... Когда немного успокоилась, пошла въ сестры... За работой какъ-то легче переносить свое горе.

Потомъ она снова заговорила, уже болѣе бодрымъ и ровнымъ голосомъ:

— Но теперь не такое время, чтобъ заниматься собственной печалью... Если бы вы знали, сколько горя, ужаснаго безутѣшнаго горя приходится видѣть каждый день. Но наши солдатики... Я не знаю, — каковы они тамъ, на полѣ сраженія, но здѣсь прямо проникаешься благоговѣйнымъ почтеніемъ передъ ихъ стойкостью, передъ

тѣмъ героизмомъ, съ какимъ они переносятъ свои физическія страданія. Мучится иной, побѣлѣетъ весь отъ боли, при перевязкѣ, а самъ находитъ силы надъ собою подтрунивать. Вотъ у кого намъ нужно учиться терпѣть...

Въ свѣтломъ ореолѣ особенной чистоты встаетъ передъ нами женщина-мать. Ея доблесть — глубока и свята. Ея благословеніе — ненарушимо до смерти. Ея образъ незабываемъ въ огнѣ самыхъ ожесточенныхъ боевъ.

Женщина кондукторъ.

Одинъ изъ раненыхъ, прибывшихъ въ Москву, вольноопредѣляющійся Г., у котораго пулей раздроблена кость ноги, разсказывалъ, что онъ пошелъ на войну вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ. 20 Августа въ 5 верстахъ отъ Люблина братья участвовали въ бою. Младшій шелъ на правомъ флангѣ первой линіи, старшій взводнымъ въ 60 шагахъ отъ него. Пуля пронзила старшаго.

Младшій подбѣжалъ къ брату, но въ двухъ шагахъ отъ него свалился раненый въ ногу. Онъ доползъ до старшаго, но тотъ былъ уже мертвъ. Пуля попала ему въ лобъ.

Младшій пришелъ въ такое отчаяніе, что хотѣлъ при-

встать, чтобъ и его пронзила пуля, но вспомнилъ, какъ мать, прощаясь, говорила, что не переживетъ смерти обоихъ сыновей, и, подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній, онъ нашелъ въ себѣ силы ползкомъ, подъ пулями австрійцевъ, добраться до ближайшаго лѣска. Тамъ онъ перевязалъ себѣ ногу, срубилъ два молодыхъ деревца и при помощи этихъ самодѣльныхъ костылей кое-какъ добрался до нашихъ.

Великодушная вдохновительница арміи—такою показала себя женщина-мать въ настоящей войнѣ.

Женщины—сестры милосердія въ госпиталяхъ.

Одинъ изъ Кіевскихъ отрядовъ сестеръ милосердія носитъ названіе сестеръ-утѣшительницъ. Ихъ эмблема—крестъ, якорь и сердце.

Утѣшительница страдающихъ—это понятіе лучше всего приложимо къ женщинѣ.

«Отчего вы не пошли, не идете сестрой милосердія?—пишетъ своей знакомой офицеръ С. К—чъ.—Знайте, что не только врачебная помощь, не только перевязки даютъ облегченіе намъ... Иногда много значитъ теплое слово, взглядъ этихъ ласкающихъ, страдающихъ за насъ женщинъ.

Я не боюсь писать вамъ это, знаю—вы не примете за пошлость.

Разскажу вамъ свое впечатлѣніе о первой женщинѣ, которую я увидѣлъ послѣ боя. Я вошелъ въ санитарный вагонъ. Первое—что бросилось въ глаза—бѣлый платочекъ, потомъ скромное сѣрое платье, тихая фигура.

— Сестрица, здравствуйте...

— Здравствуйте...

И этотъ взглядъ... Этотъ милый радостный взглядъ, что вы живы, что васъ можно привѣтствовать, что вы *здравствуете*. И слово самое шаблонное, затасканное, потершееся, словно пріобрѣтаетъ здѣсь значеніе чего-то боль-

шого, значительнаго, пріобрѣтаетъ какой-то особый смыслъ, краски»...

Для раненаго госпиталь — это родной домъ, а сестра милосердія дѣйствительно замѣняетъ родную сестру, жену, мать.

Сколько нужно предупредительности, терпѣнія, неустаннаго труда, подчасъ не знающаго ни сна, ни отдыха,

Сестры милосердія въ лазаретѣ за работой.

чтобъ возстановить силы выздоравливающаго и облегчить ласковымъ участьемъ послѣднія минуты умирающаго.

«Вотъ перевязочная комната... Сестры въ бѣлыхъ халатахъ, осторожно касаясь ватой и щипчиками раны, быстро удаляютъ кусочки желтаго гноя... При каждомъ прикосновеніи раненый сотрясается тѣломъ и стенящимъ тонкимъ голосомъ произноситъ:

— О-о...»

Вотъ палата, гдѣ легко раненые... Сестры въ бѣлыхъ

халатахъ—какъ ангелы-хранители — безшумно, чтобъ не встревожить больныхъ, проходятъ куда то...

— Сестрица... останавливаетъ ихъ голосъ...

— Что, голубчикъ?..

— Ну какъ тамъ... наши?..

Сестрица киваетъ головой и черезъ нѣкоторое время возвращается... Садится около постели больного и начинаетъ читать газету... Въ палатѣ тишина... Ровно звучитъ ласковый, мелодическій голосъ. И нѣсколько человѣкъ другихъ больныхъ, поднявъ головы съ коекъ, благодарными, умиленными глазами смотрятъ на свою утѣшительницу.

А вотъ еще—не съ картины Верещагина, а изъ жизни. Сестра пишетъ письмо, послѣднее завѣщаніе умирающаго и любящей рукой закрываетъ ему очи.

Самоотверженный трудъ, подчасъ въ теченіе 36 часовъ подрядъ, безъ смѣны... Только великимъ душевнымъ подъемомъ можно объяснить, что у всѣхъ хватаетъ силъ для работы...

За работою въ госпиталяхъ сошлись всѣ женщины,—нѣтъ различія въ страданіяхъ, жертвахъ и трудахъ между богатыми и бѣдными, знатными и простыми, сильными и слабыми. У всѣхъ ушли на войну—мужья, братья и отцы,— всѣхъ долгъ передъ страной зоветъ.

Вотъ со словъ раненаго ротнаго командира описаніе того, какъ работаетъ въ Ксеніинской общинѣ Августѣйшая Сестра милосердія, великая княгиня Ольга Александровна, находившаяся одно время въ тылу войскъ и исполняющая обязанности рядовой сестры наравнѣ съ прочими.

«Сестра (Е. И. В. Ольга Александровна) осторожно сняла бинтъ, отмочила повязку, позвала врача и минутъ черезъ десять меня повели въ операціонную. Я былъ тамъ не одинъ. Когда до меня дошла очередь, начали очищать рану. Сестра, которая меня встрѣтила, стояла около. Тутъ же былъ фельдшеръ и другія сестры; дальше шли другія операціи. Плечо сильно болѣло, кость была разбита и вынимание кусочковъ доставило мнѣ не мало боли.

— Пожалуйста ваты... сказалъ докторъ.

Сестра подала.

— Мало.

Сестра подала громадный кусокъ, намоченный какою-то жидкостью. Далѣе—это были уже настоящія команды, которыя исполнялись Сестрой безпрекословно, въ то время какъ другая держала тазъ и полотенце, третья кипятила инструменты, а фельдшеръ держалъ руку и голову.

— Ваты... Воды... Ножницы 6... Скорѣй... Примите руку... Ваты... Дайте шприцъ... Скорѣе...

Все это исполнялось моментально...»

Послѣ того Сестра промыла рану. Больной впалъ въ безсознательное состояніе и былъ перенесенъ на кровать. Когда онъ очнулся, Сестра помогла ему подняться и стала поить чаемъ, утѣшая.

На передовыхъ позиціяхъ.

Много лишеній и жертвъ выпадаетъ на долю женщинъ, работающихъ на передовыхъ позиціяхъ. Вотъ краткое описаніе обстановки, въ которой приходится жить.

«Рѣдкіе электрическіе фонари призрачно освѣщаютъ странную группу телѣгъ, солдатскихъ шинелей, разномастныхъ лошадей, кучи мужиковъ съ бичами, кнутами, хворостинами. Солома въ телѣгахъ свѣжа и душиста, пахнетъ солнцемъ и ароматомъ перегорѣвшей земли. Жуютъ и фыркаютъ лошади, глухо журчитъ въ степи многоголосый тихій разговоръ. Точно мирный крестьянскій базаръ или обозъ съ хлѣбомъ, остановившійся на ночлегъ около желѣзной дороги.

Но ходятъ межъ телѣгами санитары и сестры милосердія, поятъ раненыхъ. Но изрѣдка пахнетъ въ теплой ночи запахомъ іодоформа. Нѣтъ, это война. Она здѣсь близко, на разстояніи трехъ десятковъ верстъ, ходитъ съ громами пушекъ, съ лязгомъ стали. А за нею ползетъ мягкая, заваленная соломой, крестьянская телѣга и, полная

раненыхъ, мирно тарахтитъ по пыльнымъ проселочнымъ дорогамъ къ желѣзно-дорожной станціи.

Помощь въ бою располагается въ дѣйствующей арміи въ слѣдующемъ порядкѣ: первую линію составляютъ перевязочные пункты, гдѣ подаетъ первоначальную помощь полковой персоналъ—врачи и фельдшера. Здѣсь подъ выстрѣлами дѣлаются только самыя необходимыя перевязки, останавливающія сильнѣйшія кровотеченія. Вторую линію медицинской помощи составляетъ дивизіонный лазаретъ, которому должно быть отведено мѣсто верстахъ въ трехъ отъ линіи огня. Третью - составляетъ подвижной полевой госпиталь, верстахъ въ 5—6 отъ боя, гдѣ раненый находитъ себѣ первый отдыхъ. Сестры милосердія полагаются при полевыхъ госпиталяхъ (по 4 на полевой и запасной и по двѣ для каждаго санитарнаго транспорта, доходящаго не ближе главнаго перевязочнаго пункта).

При быстрыхъ и внезапныхъ передвиженіяхъ войскъ сестры милосердія нерѣдко попадаютъ на линію обстрѣла. Иногда шрапнель рвется даже надъ поѣздами, обсыпая свинцомъ вагоны.

Иногда-же при упорныхъ и горячихъ бояхъ сестры сами добровольно идутъ на поле сраженія перевязывать раненыхъ.

Геройски работаютъ подъ огнемъ, не обращая вниманія на опасность быть убитыми. Опасность эта увеличивается еще отъ того, что нѣмцы, преступающіе международныя установленія, подвергаютъ обстрѣлу медицинскій персоналъ. Такъ, было напр. убито въ Восточной Пруссіи нѣсколько сестръ милосердія, въ томъ числѣ И. Д. Смирнова

«Германскіе отряды не щадили ни Краснаго Креста, ни больныхъ, ни раненыхъ, ни врачей, ни сестеръ милосердія. За одну только попытку увезти раненыхъ отъ наступающихъ нѣмцевъ, санитарный транспортъ, въ которомъ работала Смирнова, былъ подвергнутъ кавалерійскимъ отрядомъ жестокому обстрѣлу, въ результатѣ чего было ранено много фельдшеровъ, санитаровъ, одинъ врачъ и двѣ сестры милосердія».

Сестра милосердія М.., подбиравшая въ полѣ раненыхъ, была захвачена въ плѣнъ нѣмецкимъ кавалеристомъ и получила свободу только благодаря геройству казака Ничипуренко.

„За что?...“

Нѣкоторыя изъ сестеръ даютъ примѣры отважной храбрости. Е. П. Коркина представлена къ медали на Георгіевской лентѣ. Германскія орудія засыпали насъ огнемъ. Летучій санитарный отрядъ продолжалъ подбирать ране-

ныхъ. Несмотря на то, что надъ отрядомъ развѣвался флагъ Краснаго Креста, нѣмцы продолжали свой обстрѣлъ. Почти всѣ раненые были убиты, санитарныя фуры обращены въ щепки. Тутъ-то молодая дѣвушка выказала свою неустрашимость: она ободряла немногихъ уцѣлѣвшихъ санитаровъ, помогала спасать раненыхъ, перенося ихъ въ безопасное мѣсто.

И такихъ Коркиныхъ не одна. Е. С. Митюрова вынесла съ поля битвы четырехъ раненыхъ, сама получила рану и представлена къ наградѣ... Н. Г. Дрентельнъ—вынесла трехъ, П. И. Дувакина—двухъ, сестра милосердія 2-го Елизаветинскаго госпиталя Матвѣева представлена къ серебряной медали на Георгіевской лентѣ.

Останавливаетъ на себѣ вниманіе случай съ сестрой Тимощенко *).

Она жена пограничнаго офицера изъ подъ Кременца. Когда мужъ ея ушелъ на войну, она рѣшила посвятить себя уходу за ранеными.

Вмѣстѣ съ отрядомъ она переносила трудности походной жизни. Переходы въ иные дни были громадные: по 25, по 30 верстъ. Одно время шли дожди. Холодно, мокро, ноги скользили по грязи. Располагались бивуакомъ чаще всего подъ открытымъ небомъ. 13 августа завязалось сраженіе съ австрійцами, въ которомъ былъ тяжело раненъ ротмистръ Усковъ, съ сотней котораго слѣдовала Тимощенко.

Узнавъ, что начальникъ ея сотни раненъ, она бросилась отыскивать его.

«Ее не могло остановить то, что бой былъ еще въ самомъ разгарѣ. Пули свистѣли вокругъ нея. Съ грохотомъ и шипѣніемъ разрывались шрапнели, поднимая вмѣстѣ съ пылью окровавленные куски человѣческихъ тѣлъ и клочья одеждъ...

Одна изъ шрапнелей разорвалась близъ нея, обдала съ ногъ до головы пылью и оглушила грохотомъ.

Сестра Тимощенко была ошеломлена на мгновеніе. Но

*) Корреспонд. М. Доманскаго въ «Рус. Сл.» и А. Федорова въ «Рѣчи».

преодолѣла испугъ и потрясеніе... Офицеръ былъ раненъ тяжело и каждая минута была дорога.

Ея отвага и самоотверженность точно заколдовали ее отъ смерти, также какъ и деньщика ротмистра, разыскивающаго вмѣстѣ съ ней своего барина.

У этого деньщика пули пробили фуражку и рубаху, хотя не оцарапали даже тѣла.

Наконецъ, Усковъ былъ найденъ при помощи попавшагося имъ на пути солдата.

Втроемъ подняли раненаго и понесли. На дорогѣ попались еще два солдата, и сестрѣ Тимощенко по временамъ можно было отдохнуть.

Такъ прошли они около 20 верстъ голодные, изнемогающіе отъ жажды, съ цѣпенѣющими отъ усталости ногами и руками.

Но въ занятомъ нами мѣстечкѣ начался бой. Пришлось снова вести Ускова въ госпиталь.

Госпиталь оказался переполненнымъ ранеными.

Ускову сдѣлали перевязку и уложили его въ палаткѣ на соломѣ.

— Главное, чтобъ онъ не простудился... заявилъ сестрѣ Тимощенко докторъ.

Ночь была ненастная и холодная. Лилъ дождь. Вѣтеръ сурово трепалъ палатку.

Тимощенко сняла пальто и накрыла имъ раненаго. Но онъ все дрожалъ отъ озноба. Тогда она сняла съ себя кофточку и осталась въ одной кисейной блузкѣ.

Чтобъ оградить его и другихъ раненыхъ отъ бушевавшаго вѣтра, она сколола и связала, гдѣ можно, отверстія въ палаткѣ, куда врывался вѣтеръ, бросая ледяныя брызги, и всю ночь на колѣняхъ простояла возлѣ раненаго на соломѣ, поддерживая покрывавшія его пальто свое и кофточку, которыя онъ въ лихорадочномъ состояніи то и дѣло сбрасывалъ.

Трагедія бельгійскихъ женщинъ. Марія Адельгейда—великая герцогиня Люксембургская.

Ни одна страна не терпѣла такого опустошенія, какъ маленькая Бельгія, на которую первую обрушились удары войны и теперь обрушивается месть раздраженныхъ ея геройскимъ сопротивленіемъ германцевъ. Отъ цвѣтущихъ селеній и богатыхъ городовъ не осталось камня на камнѣ. О посѣщеніи одного изъ такихъ городовъ, имѣвшаго недавно 20-тысячное населеніе, разсказываютъ англійскіе корреспонденты. Долго они бродили по развалинамъ, чтобъ найти гдѣ-нибудь признаки жизни. И только послѣ упорныхъ поисковъ нашли слѣпую старуху и ея внучку дѣвочку. Остальное населеніе разсѣялось... Однѣ женщины погибли въ бою, другія переправились черезъ море въ Англію. Оставшіяся на родинѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми, исхудавшія, оборванныя и голодныя, какъ привидѣнія, бродили безъ пріюта по разореннымъ мѣстамъ.

Бельгійская королева Елизавета вмѣстѣ съ арміей несетъ тяготы военной жизни.

Въ осажденномъ Антверпенѣ подъ градомъ сыпавшихся съ «цеппелиновъ» бомбъ, она обходила лазареты, давала пріютъ женщинамъ, согрѣвала лаской и уходомъ осиротѣвшихъ дѣтей и поддерживала короля. И только когда почти вся страна была занята непріятелемъ, она покинула Бельгію. Но покинула не для отдыха, а для новыхъ лишеній,—отправилась въ главную квартиру, на бивуаки.

Здѣсь она работаетъ, какъ простая сестра милосердія, ходитъ къ солдатамъ въ траншеи, разноситъ имъ папиросы, сигары, угощаетъ ихъ въ холодные дни коньякомъ и ромомъ.

Трагична участь великой герцогини Маріи Адельгейды Люксембургской. Защищая неприкосновенность своего государства отъ вторженія германскихъ войскъ, эта 20-лѣтняя юная и рѣшительная дѣвушка вышла изъ дворца, сѣла въ автомобиль и, пріѣхавъ на пограничный постъ Люксембурга, велѣла повернуть свой автомобиль поперекъ моста,

чтобъ не пропустить германскихъ войскъ. Офицеръ, командовавшій нѣмецкимъ отрядомъ, потребовалъ очистить мостъ. Когда герцогиня отказалась, офицеръ пригрозилъ, что онъ будетъ стрѣлять въ нее изъ револьвера. На это герцогиня заявила, что уступаетъ грубой силѣ и приказала шоферу вернуться домой.

Въ настоящее время она по приказанію Вильгельма заточена въ Шенбрунскій замокъ.

Женщины добровольцы.

Съ самаго же начала войны многія женщины пожелали отправиться въ качествѣ добровольцевъ въ дѣйствующую армію.

«Я тоже горю желаніемъ быть полезной дорогой родинѣ,—писала одна изъ нихъ, петроградская курсистка,— но я не чувствую призванія быть сестрой милосердія; я хочу идти добровольцемъ въ дѣйствующую армію и прошу людей откликнуться на мой призывъ и дать мнѣ необходимыя средства на испытаніе моей завѣтной мечты—отряда амазонокъ, воиновъ-женщинъ.

Это «письмо» не мистификація или капризъ взбалмошной головки, — нѣтъ, — въ этомъ я вижу свое призваніе, свое счастье. Я хочу пролить свою кровь за отечество, отдать свою жизнь родинѣ».

Въ этомъ предложеніи нѣтъ ничего страннаго. Во время войнъ дѣлаются попытки къ созданію женскихъ отрядовъ.

Между прочимъ у насъ при императрицѣ Екатеринѣ II была образована амазонская рота изъ «благородныхъ женъ и дочерей балаклавскихъ грековъ». Рота просуществовала всего два мѣсяца—мартъ и апрѣль 1787 года.

Газеты одно время были полны сообщеній о попыткахъ женщинъ, преимущественно молодыхъ дѣвушекъ, пробраться въ дѣйствующую армію подъ видомъ мужчинъ, потому что обычно въ дѣйствующую армію женщинъ не принимаютъ и лишь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ слу-

чаяхъ имъ разрѣшается доступъ въ нестроевыя части, въ распоряженіе штабовъ.

На Курскомъ вокзалѣ въ формѣ гимназиста была задержана одна изъ ученицъ гимназіи. На Рязанскомъ вокзалѣ задержана дѣвушка въ формѣ моряка. На станціи «Минеральныя воды» задержана переодѣтая въ мужское платье дѣвушка, въ Вильнѣ—послушница женскаго монастыря, въ Кіевѣ къ уѣздному воинскому начальнику явились три женщины съ просьбой зачислить ихъ въ дѣйствующую армію. Въ Ессентукахъ задержаны двѣ дѣвушки. — Почему вы пришли къ этому рѣшенію? спросилъ ихъ приставъ.—Желаемъ постоять за своихъ братьевъ, — отвѣтили онѣ. Въ Вильнѣ исчезла дочь сенатора Герарда, Рита Герардъ, 17 лѣтъ.

Женщина-доброволецъ Александра Данилова.

Нѣкоторымъ изъ женщинъ удалось все же устроиться въ дѣйствующей арміи.

Кавказскій намѣстникъ удовлетворилъ просьбу жены запаснаго Даниловой. Извѣстная женщина-спортсменъ казачка Кудашева, бравшая неоднократно призы за верховую ѣзду и стрѣльбу, прибыла на своемъ конѣ въ дѣйствующую армію. Кубанская казачка Елена Чоба – лихая наѣздница, тоже бравшая призы на джигитовкахъ и прекрасно владѣющая оружіемъ (рубила по 3—4 чучела), поступила въ добровольцы. Андреева, «женщина-подпоручикъ», какъ ее прозвали, участвовала вмѣстѣ съ мужемъ, ротнымъ командиромъ, въ 6 бояхъ.

«Армейскій Вѣстникъ» разсказываетъ объ одной женщинѣ, извѣстной подъ фамиліей вольноопредѣляющагося Долгова, которая послѣ смерти мужа, артиллерійскаго ка-

питана, убитаго подъ Сольдау, поступила въ полкъ добровольцемъ.

Пробыть на театрѣ военныхъ дѣйствій ей пришлось недолго. Короткое донесеніе о ней гласило:

«Появились непріятельскіе разъѣзды. Одинъ изъ нихъ аттаковали. Увлекшійся погоней вольноопредѣляющійся Долговъ зарубленъ»».

Раненый въ Галиційскихъ бояхъ офицеръ Яковлевъ разсказывалъ объ одной изъ такихъ женщинъ.

«Когда нашъ полкъ отправился въ Галицію, двоюродная сестра поручика К. упросила взять ее съ нами на войну. Нечего и говорить, что никто изъ насъ и не рѣшился объ этомъ даже заикнуться передъ начальствомъ. Дѣвушка продолжала настаивать на своемъ и мы рѣшили помочь ей. К. раздобылъ солдатскую аммуницію и дѣвушка вступила въ полкъ.

Вскорѣ начальство узнало о пребываніи дѣвушки-солдата. Случилось это такъ.

Во время одной изъ перестрѣлокъ былъ раненъ находившійся около нея солдатъ. Мы тогда отступали и раненый оставался на полѣ битвы. Когда мы отступили отъ мѣста перестрѣлки уже на значительное разстояніе, дѣвушка-солдатъ обратилась ко мнѣ съ просьбой поѣхать съ ней за раненымъ. Я уговаривалъ ее, и убѣждалъ, что наша поѣздка ни къ чему не приведетъ, такъ какъ непріятель находится на прежнемъ мѣстѣ. Она рѣшила тогда поѣхать одна. Услышавъ это, я согласился сопровождать ее. Вотъ мы уже около мѣста перестрѣлки. Вотъ убитые и раненые австрійцы, а среди нихъ нашъ изнемогающій солдатъ. Одинъ мигъ, и дѣвушка-солдатъ около него,— и я вижу, какъ что-то тяжелое взлетаетъ на спину ея коня. Это она взвалила раненаго. Прошло еще нѣсколько минутъ, и мы вмѣстѣ съ ней поскакали къ нашимъ. Вслѣдъ за нами послышались выстрѣлы непріятеля. Послѣдній находился отъ насъ шагахъ въ 30. Дѣлать нечего и мы рѣшили сдаться. Только подступилъ къ намъ непріятель, какъ съ правой стороны показались наши солдаты. Узнавъ, что мы поѣхали за раненымъ, они отправились за нами вслѣдъ».

О геройскомъ поступкѣ дѣвушки было доведено до свѣдѣнія начальства, и оно, наградивъ ее похвалами, разрѣшило ей пребываніе въ полку.

Въ скоромъ времени дѣвушка-солдатъ была ранена и

За чтеніемъ газеты.

отправлена на излеченіе въ одинъ изъ южныхъ госпиталей.

Заключеніе. Еврейскія женщины. Женщины простолюдинки.

Передъ нами прошла цѣлая вереница женщинъ, геройски работающихъ на мирномъ благотворительномъ поприщѣ въ лазаретахъ и на поляхъ сраженій.

Но образъ женщины остался бы незаконченнымъ, если не отмѣтить то основное, что всегда было присуще женскому движенію: женщина интернаціональна. Въ своемъ стремленіи къ идеаламъ мира и любви — она чужда той узкой вражды, которая можетъ раздѣлять народности. Уже мать въ своемъ письмѣ, приведенномъ выше, даетъ сыну завѣтъ «не поддаваться слѣпой мести» и быть «милостивымъ». Наши сестры милосердія на поляхъ сраженій и въ госпиталяхъ даютъ образцы изумительной терпимости въ отношеніи къ врагамъ. Бывали случаи, что плѣнные раненые возмутительнымъ образомъ оскорбляли ухаживающихъ за ними сестеръ, плевали въ лицо. Отвѣтомъ на все это была ласка и заботливый уходъ.

Сестры въ госпиталяхъ относятся къ плѣннымъ бережно,—какъ къ роднымъ.

«Ѣсть онъ не можетъ, — разсказывала про одного нѣмца сестра.—Пить все просилъ, какъ привезли сюда. Дала ему чаю съ вареньемъ, сталъ вотъ такъ сквозь зубы цѣдить, а какъ попадется ягодка, онъ ее пальцемъ старается втолкнуть въ ротъ. Совсѣмъ обмякъ. А какъ дала я ему сигару, такъ онъ не зналъ уже, какъ благодарить меня,—хочетъ непремѣнно написать своимъ, чтобъ не вѣрили про жестокости русскихъ».

Россія разноплеменна. И въ общей закипѣвшей на ея необъятномъ пространствѣ работѣ сошлись представители всѣхъ народностей,—поляки, латыши, мусульмане, финны, евреи и т. д. Особенно дѣятельное участіе приняли евреи, давшіе массу женщинъ работницъ—устроительницъ столовыхъ, сестеръ милосердія какъ въ русскихъ, такъ и спеціальныхъ еврейскихъ лазаретахъ.

Любопытную сценку рисуетъ въ «Рѣчи» корреспондентъ Кондурушкинъ.

«Вотъ сегодня выписываютъ изъ госпиталя (Люблинскаго) нѣсколько русскихъ солдатъ; ихъ можно отправить дальше во внутреннія губерніи. Одинъ черный, рябой запасной псковичъ не утерпѣлъ, заплакалъ отъ благодарности, подзываетъ старшую сестру, взялъ за плечо и креститъ.

— Спасибо, сестрица, дай перекрещу тебя.

— Благодарю, дорогой,—говоритъ та, глотая слезы.— Уѣдешь, помни, что былъ ты въ еврейскомъ лазаретѣ. Я бы не говорила, да ты знаешь, какъ къ намъ нѣкоторые относятся и что про насъ говорятъ...

Солдатъ смотритъ на нее ласково.

— А я отъ васъ кромѣ добра не видалъ ничего... Ну, а ты то ужъ, чай, русская?..

— Нѣтъ, я еврейка...

— Ну, Господь тебя благословитъ... Не обезсудь, если что не такъ сказалъ, али сдѣлалъ... Отъ темноты нашей. Прощайте... Не забуду...

Такъ въ общемъ порывѣ, въ одномъ дѣлѣ, тѣснѣй сближаются всѣ граждане, какъ дѣти одной великой страны.

Очень немного свѣдѣній проникаетъ въ печать о женщинахъ изъ простонародья, — крестьянкахъ, работницахъ и мѣщанкахъ. Но именно на нихъ-то и лежитъ главная тяжесть войны. И среди нихъ такъ много самопожертвованія и геройства. Скудость-же свѣдѣній о нихъ по-просту объясняется тѣмъ, что ихъ жизнь протекаетъ въ тѣни, не бросается въ глаза. Женщина простолюдинка—это та «Арина мать солдатская», которая не любитъ говорить о себѣ. Молча она несетъ крестъ и молча идетъ на подвигъ. Молча живетъ и молча умираетъ.

«Мало словъ, а горя рѣченька, горя рѣченька бездонная».

Геройство не знаетъ различія ни въ полѣ, ни въ національности. Въ настоящую войну женщина Россіи показала себя какъ героиня и славная исторія ея подвиговъ еще будетъ написана потомъ.

Ал. Богдановъ.

1436